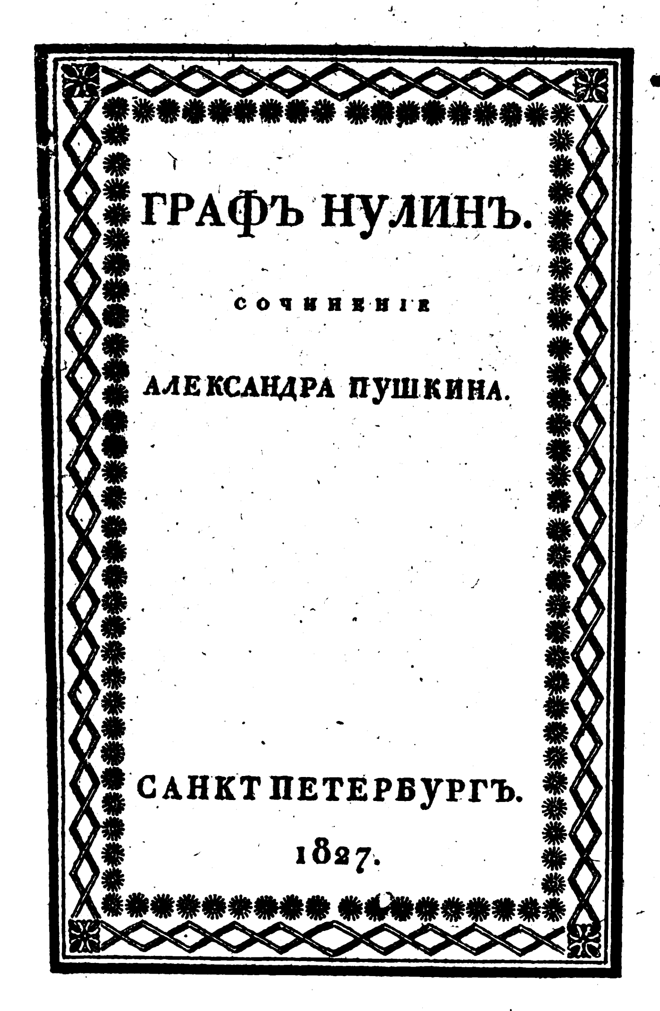

TAYLOR INSTITUTION
DOMI MINA
NUS TIO
ILLU MEA

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

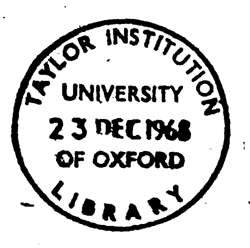
СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1827.

Печатается съ разрѣшенія Литературно-Издательскаго Отдела Н. К. Пр.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

1827.

Съ дозволенія Правительства.

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Пора, пора! рога трубятъ;
Псари въ охотничьихъ уборахъ
Чѣмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидятъ,
Борзыя прыгаютъ на сворахъ.
Выходитъ баринъ на крыльцо,
Все, подбочась, обозрѣваетъ;
Его довольное лицо
Пріятной важностью сіяетъ.

Чекменъ затянутый на немъ,
Турецкій ножъ за кушакомъ,
За пазухой во фляжкѣ ромъ,
И рогъ на бронзовой цѣпочкѣ.
Въ ночномъ чепцѣ, въ одномъ платочкѣ,
Глазами сонными жена
Сердито смотритъ изъ окна
На сборъ, на псарную тревогу.
Вотъ мужу подвели коня;
Онъ холку хвать и въ стремя ногу,
Кричитъ женѣ: не жди меня!
И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднихъ числахъ сентября
(Презрѣнной прозой говоря)

Въ деревнѣ скучно, грязь, ненастье,
Осенній вѣтеръ, мѣлкій снѣгъ,
Да вой волковъ. Но что-то счастье
Охотнику! не зная нѣгъ,
Въ отъѣзжемъ полѣ онъ гарцуетъ,
Вездѣ находитъ свой ночлегъ,
Бранится, мокнетъ и пируетъ
Опустошительный набѣгъ.

А что же дѣлаетъ супруга,
Одна въ отсутствіи супруга?
Занятій мало ль есть у ней?
Грибы солить, кормить гусей,
Заказывать обѣдъ и ужинъ,
Въ анбаръ и въ погребъ заглянуть.

Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
Онъ вмигъ замѣшишъ что нибудь.

Къ нещастью, героиня наша
(Ахъ, я забылъ ей имя дать!
Мужъ просто звалъ ее Наташа,
Но мы — мы будемъ называть
Наталья Павловна), къ нещастью,
Наталья Павловна совсѣмъ
Своей хозяйственною частью
Не занималася, затѣмъ,
Что не въ отеческомъ законѣ
Она воспитана была,
А въ благородномъ пансіонѣ
У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ;
Предъ ней открытъ четвертый томъ
Сентиментальнаго романа:
Любовь Элизы и Армана,
Иль переписка двухъ семей —
Романъ классической, старинной,
Отмѣнно длинной, длинной, длинной,
Нравоучительной и чинной,
Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро какъ-то развлеклась
Передъ окномъ возникшей дракой
Козла съ дворовою собакой

И ею тихо занялась.
Кругомъ мальчишки хохотали;
Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
Индѣйки съ крикомъ выступали
Вослѣдъ за мокрымъ пѣтухомъ;
Три утки полоскались въ лужѣ;
Шла баба черезъ грязный дворъ
Бѣлье повѣсить на заборъ;
Погода становилась хуже:
Казалось, снѣгъ идти хотѣлъ...
Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,
Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
Какъ сильно колокольчикъ дальной

Порой волнуетъ сердце намъ.
Не другъ ли ѣдетъ запоздалой,
Товарищъ юности удалой?...
Ужъ не она ли?... Боже мой!
Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
Но мимо, мимо звукъ несется,
Слабѣй... и смолкнулъ за горой.

Наталья Павловна къ балкону
Бѣжитъ, обрадована звону,
Глядитъ и видитъ: за рѣкой
У мѣльницы коляска скачетъ,
Вотъ на мосту — къ намъ точно... нѣтъ,
Поворотила влѣво. Вслѣдъ
Она глядитъ и чуть не плачетъ.

Но вдругъ... о радость! косогоръ;
Коляска на бокъ. — Филька! Васька!
Кто тамъ? скорѣй! Вонъ тамъ коляска:
Сей часъ везти ее на дворъ
И барина просить обѣдать!
Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
Скорѣй, скорѣй!

Слуга бѣжитъ.

Наталья Павловна спѣшитъ
Взбить пышной локонъ, шаль накинуть,
Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
И ждетъ: да скороль, мой Творецъ!
Вонъ ѣдутъ, ѣдутъ наконецъ.
Забрызганный въ дорогѣ дальной,
Опасно раненный, печальной

Кой-какъ шащишся экипажъ;
Вслѣдъ баринъ молодой хромаетъ;
Слуга-Французъ не унываетъ
И говоритъ: allons, courage!
Вотъ у крыльца; вотъ въ сѣни входятъ.
Покамѣстъ барину теперь
Покой особенный отводятъ
И настежъ отворяютъ дверь,
Пока Picard шумитъ, хлопочетъ,
И баринъ одѣваться хочетъ;
Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
Графъ Нулинъ, изъ чужихъ краёвъ,
Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ моды
Свои грядущіе доходы.
Себя казать, какъ чудный звѣрь,

Въ Петрополь ѣдетъ онъ теперь
Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
Шляпъ, вѣеровъ, плащей, корсетовъ,
Булавокъ, запонокъ, лорнетовъ,
Цвѣтныхъ платковъ, чулковъ à jour,
Съ ужасной книжкою Гизота,
Съ тетрадью злыхъ каррикатуръ,
Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
Съ bons-mots Парижскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Баранжера,
Съ мотивами Россини, Пера,
Et cetera, et cetera.

Ужъ столъ накрытъ; давно пора;
Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;

Дверь отворилась, входитъ графъ;
Наталья Павловна, привставъ,
Освѣдомляется учтиво,
Каковъ онъ? что нога его?
Графъ отвѣчаетъ: ничего.
Идутъ за столъ; вотъ онъ садится,
Къ ней подвигаетъ свой приборъ
И начинаетъ разговоръ:
Святую Русь бранитъ, дивится,
Какъ можно жить въ ея снѣгахъ,
Жалѣетъ о Парижѣ страхъ.
«А что театръ? — О! скротѣетъ
C'est bien mauvais, ca fait pitié.
Тальма совсѣмъ оглохъ, слабѣетъ,
И мамзель Марсъ, увы! старѣетъ.

За шо Потье, le grand Potier!
Онъ славу прежнюю въ народѣ
Донынѣ поддержалъ одинъ. —
« Какой писашель нынче въ модѣ? »
— Все d'Arlincourt и Ламаршинъ. —
« У насъ имъ шакже подражаюшъ. »
— Нѣшъ! право? шакъ у насъ умы
Ужъ развивашься начинаюшъ.
Дай Богъ, чтобъ просвѣшились мы! —
« Какъ шальи носяшъ? » — Очень низко,
Почши до... вошъ по эшихъ поръ.
Позвольше видѣшь вашъ уборъ;
Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
Все эшо къ модѣ очень близко. —
« Мы получаемъ Телеграфъ. »

— Ага! хотите ли послушать
Прелестный водевиль? — И граф
Поетъ. « Да, графъ, извольте жъ кушать. »
— Я сытъ и такъ. —

Изъ-за стола
Встаютъ. Хозяйка молодая
Черезвычайно весела;
Графъ, о Парижѣ забывая,
Дивится, какъ она мила.
Проходитъ вечеръ непримѣтно;
Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
То выражается привѣтно,
То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ

Давно храпитъ слуга въ передней,
Давно поетъ пѣтухъ сосѣдній,
Въ чугунну доску сторожъ бьетъ;
Въ гостиной свѣчки догорѣли.
Наталья Павловна встаетъ:
Пора, прощайте! ждутъ постели.
Пріятный сонъ!... Съ досадой вставъ,
Полувлюбленный нѣжный графъ
Цѣлуетъ руку ей. И что же?
Куда кокетство не ведетъ?
Проказница — прости ей, Боже! —
Тихонько графу руку жметъ.

Наталья Павловна раздѣта,
Стоитъ Параша передъ ней.

Друзья мои! Параша эта
Наперсница ея затѣй:
Шьетъ, моетъ, вѣсти переноситъ,
Изношенныхъ капотовъ проситъ,
Порою барина смѣшитъ,
Порой на барина кричитъ,
И лжетъ предъ барыней отважно.
Теперь она толкуетъ важно
О графѣ, о дѣлахъ его,
Не пропускаетъ ничего —
Богъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
Но госпожа ей наконецъ
Сказала: полно, надоѣла!
Спросила кофту и чепецъ,
Легла и выйти вонъ велѣла.

Своимъ Французомъ между тѣмъ
И графъ раздѣтъ уже совсѣмъ.
Ложится онъ, сигару проситъ,
Monsieur Picard ему приноситъ
Графинъ, серебряной стаканъ,
Сигару, бронзовой свѣтильникъ,
Щипцы съ пружиною, будильникъ
И неразрѣзанный романъ.

Въ постелѣ лежа, Вальтеръ-Скотта
Глазами пробѣгаетъ онъ.
Но графъ душевно развлеченъ:
Неугомонная забота
Его тревожитъ; мыслитъ онъ:
Не ужъ-то вправду я влюбленъ?

Что если можно?... вошъ забавно;
Однакожъ это было бъ славно;
Я, кажется, хозяйкѣ милъ —
И Нулинъ свѣчку погасилъ.

Несносный жаръ его объемлетъ,
Не спишся графу — бѣсъ не дремлетъ
И дразнитъ грѣшною мечтой
Въ немъ чувства. Пылкой нашъ герой
Воображаетъ очень живо
Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
Довольно круглый, полный станъ,
Пріятный голосъ, прямо женскій,
Лица румянецъ деревенскій —
Здоровье краше всѣхъ румянъ.

Онъ помнитъ кончикъ ножки нѣжной,
Онъ помнитъ, точно, точно такъ,
Она ему рукой небрежной
Пожала руку; онъ дуракъ,
Онъ долженъ бы остаться съ нею,
Ловить минутную затѣю.
Но время не ушло: теперь
Отворена конечно дверь —
И тотчасъ, на плеча накинувъ
Свой пестрый шелковый халатъ
И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиній новый
Отправился на все готовый.

Такъ иногда лукавый котъ,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется съ лежанки:
Украдкой медленно идетъ,
Полузажмурясь подступаетъ,
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ,
Разинетъ когти хитрыхъ лапъ
И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ.

Влюбленный графъ въ потемкахъ бродитъ,
Дорогу ощупью находитъ;
Желаньемъ пламеннымъ томимъ,
Едва дыханье переводитъ,
Трепещетъ, если полъ подъ нимъ
Вдругъ заскрипитъ. Вотъ онъ подходитъ

Къ завѣтной двери и слегка
Жметъ ручку мѣдную замка;
Дверь тихо, тихо уступаетъ;
Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ
И блѣдно спальню освѣщаетъ;
Хозяйка мирно почиваетъ,
Иль притворяется, что спитъ.

Онъ входитъ, ищетъ, отступаетъ —
И вдругъ упалъ къ ея ногамъ.
Она... Теперь съ ихъ позволенья
Прошу я Петербургскихъ дамъ
Представить ужасъ пробужденья
Натальи Павловны моей
И разрѣшить, что дѣлать ей.

Она, открывъ глаза большіе,
Глядитъ на графа — нашъ герой
Ей сыплетъ чувства вынисныя
И дерзновенною рукой
Уже руки ея коснулся...
Но тутъ опомнилась она;
Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
И честной гордости полна,
А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину, да, да!
Пощечину, да вѣдь какую!

Сгорѣлъ графъ Нулинъ отъ стыда,
Обиду проглотивъ такую;

Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
Досадой страшною пылая,
Но шпицъ косматый, вдругъ залая,
Прервалъ Параши крѣпкій сонъ.
Услышавъ графъ ея походку
И проклиная свой ночлегъ
И своенравную красотку,
Въ постыдный обратился бѣгъ.

Какъ онъ, хозяйка и Параша
Проводятъ остальную ночь,
Воображайте, воля ваша!
Я не намѣренъ вамъ помочь.

Возставъ поутру молчаливо,
Графъ одѣваетси лѣниво,
Отдѣлкой розовыхъ ногтей
Зѣвая занялся небрежно,
И галстукъ вяжетъ неприлѣжно,
И мокрой щеткою своей
Не гладитъ стриженыхъ кудрей.
О чемъ онъ думаетъ, не знаю;
Но вотъ его позвали къ чаю.
Что дѣлать? Графъ, преодолѣвъ
Неловкой стыдъ и тайный гнѣвъ,
Идетъ.

Проказница младая
Насмѣшливый потупя взоръ

И губки алыя кусая,
Заводитъ скромно разговоръ
О томъ, о семъ. Сперва смущенный,
Но постепенно ободренный,
Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ.
Получаса не проходило,
Ужь онъ и шутитъ очень мило
И чуть ли снова не влюблёнъ.
Вдругъ шумъ въ передней. Входятъ. Кто же?
« Наташа, здравствуй. »

— Ахъ, мой Боже!
Графъ, вотъ мой мужъ. Душа моя,
Графъ Нулинъ. —

« Радъ сердечно я.
Какая скверная погода!
У кузницы я видѣлъ вашъ
Совсѣмъ готовый экипажъ.
Наташа! тамъ у огорода
Мы затравили русака.
Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
Прислали намъ издалека.
Вы съ нами будете обѣдать!
— Не знаю, право, я спѣшу. —
И, полно, графъ, я васъ прошу.
Жена и я, гостямъ мы рады.
Нѣтъ, графъ, останьтесь! »

Но съ досады
И всѣ надежды потерявъ,
Упрямится печальный графъ,
Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ,
Пикаръ кряхтитъ за чемоданомъ.
Уже къ коляскѣ двое слугъ
Несутъ привинчивать сундукъ.
Къ крыльцу подвезена коляска,
Пикаръ все скоро уложилъ,
И графъ уѣхалъ... Тѣмъ и сказка
Могла бы кончиться, друзья;
Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала
Жена все мужу разсказала

И подвигъ графа моего
Всему сосѣдству описала.
Но кто же болѣе всего
Съ Натальей Павловной смѣялся?
Не угадать вамъ. — Почемужъ?
Мужъ? — Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
Онъ очень этимъ оскорблялся,
Онъ говорилъ, что графъ дуракъ,
Молокососъ; что если такъ,
То графа онъ визжать заставитъ,
Что псами онъ его затравитъ.
Смѣялся Лидинъ, ихъ сосѣдъ,
Помѣщикъ двадцати трехъ лѣтъ.

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

Продается въ С. Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ лавкахъ, по 2 рубля 50 коп. за экземпляръ. За пересылку въ другіе города прилагается 50 копѣекъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Типо-лит. Бр. Менертъ, Б. Полянка

ГРАФЪ НУЛИНЪ.

Какъ Бѣлинскій семьдесятъ лѣтъ назадъ опредѣлилъ „химическое содержаніе“ этой поэмы и согласно своему опредѣленію поставилъ ее на полочку, такъ она и до сихъ поръ красуется на той-же полочкѣ, выдѣляясь четкой наклейкой: „Граціозная шутка и первый опытъ русскаго натурализма“. Дѣйствительно, анализъ привелъ Бѣлинскаго къ такому заключенію: „Графъ Нулинъ“— не болѣе, какъ легкій сатирическій очеркъ одной стороны нашего общества, но очеркъ, сдѣланный рукою въ высшей степени художественною... Въ этой повѣсти все такъ и дышетъ русскою природою, сѣренькими красками русскаго деревенскаго быта. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ,— и ни одна изъ нихъ не уступитъ въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Что составляетъ главное достоинство фламандской школы, если не умѣнье представлять прозу дѣйствительности подъ поэтическимъ угломъ зрѣнія? Въ этомъ смыслѣ „Графъ Нулинъ“ есть цѣлая галлерея превосходнѣйшихъ картинъ фламандской школы“. Въ подтвержденіе этой мысли указывается, что „въ лицѣ графа Нулина поэтъ съ неподражаемымъ мастерствомъ изобразилъ одного изъ тѣхъ пустыхъ людей высшаго свѣтскаго круга“, и т. д.,—„Наталья Павловна—типъ молодой помѣщицы новыхъ временъ“,

и т. д.,—горничная Натальи Павловны—„типъ всѣхъ русскихъ горничныхъ" такого-то рода. И въ заключеніе: „Говорить ли, что вся поэма, исполненная ума, остроумія, легкости, граціи, тонкой ироніи, благороднаго тона, знанія дѣйствительности, написана стихами въ высшей степени превосходными?"

Приговоръ Бѣлинскаго тотчасъ вошелъ въ силу и господствуетъ донынѣ. Въ 4-мъ томѣ большого Академическаго изданія Пушкина, помѣченномъ 1916 годомъ, П. О. Морозовъ кончаетъ свою прекрасную историко-литературную статью о „Графѣ Нулинѣ" строками, цѣликомъ повторяющими сужденіе Бѣлинскаго: „**Нулинъ** явился въ нашей литературѣ первой ласточкой того новаго направленія, которое впослѣдствіи, въ эпоху **Мертвыхъ Душъ**, получило названіе „натуральной школы"... Сама по себѣ незначительная повѣсть Пушкина для своего времени была и большою смѣлостью, и своего рода литературнымъ откровеніемъ. Пять лѣтъ спустя за нею послѣдовали „Повѣсти Бѣлкина".

Бѣлинскій и не могъ оцѣнить поэму Пушкина иначе, нежели онъ это сдѣлалъ; но чѣмъ можно извинить простодушіе позднѣйшихъ критиковъ, которымъ уже было извѣстно то, чего не зналъ Бѣлинскій,—объясненіе самого Пушкина о замыслѣ его маленькой поэмы? Это объясненіе напечаталъ еще Анненковъ въ своихъ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина,"—правда, не полностью, хотя предъ нимъ былъ полный текстъ. Самъ Анненковъ видѣлъ въ этой записи только подтвержденіе установившейся уже мысли, что „Графъ Нулинъ"—веселая шутка;

онъ предносылаетъ строкамъ Пушкина такія слова: „Сказочка эта (т. е. „Графъ Нулинъ")... обязана происхожденіемъ забавной мысли, которую самъ авторъ разсказываетъ на одномъ клочкѣ бумажки", и т. д.,—и приведя запись Пушкина, замѣчаетъ: „Такъ справедливо, что противъ шутки Пушкинъ не могъ устоять". Съ тѣхъ поръ всѣ, кому случалось писать о „Графѣ Нулинѣ", неизмѣнно приводили и запись Пушкина, объясняя ее такъ-же, какъ Анненковъ; въ Венгеровскомъ изданіи Пушкина одинъ изъ комментаторовъ, сообщая, что „Графъ Нулинъ" есть плодъ возрождавшейся о ту пору въ Пушкинѣ „жизнерадостности, принимавшей по временамъ бравурную, экзальтированную форму", плодъ „заразительнаго веселья", сообщаетъ и запись поэта, говоря: „полна юмора уже замѣтка о происхожденіи этой поэмы". Но и полный текстъ ея, впервые сообщенный П. О. Морозовымъ въ названной статьѣ, не помѣшалъ ему-же повторить сужденіе Бѣлинскаго, основанное на недостаточномъ знаніи.

Вотъ запись Пушкина въ приблизительно-точномъ спискѣ.

„Въ концѣ 1825 года находился я въ деревнѣ. Однажды, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, я повторилъ пошлое замѣчаніе о мелкихъ причинахъ великихъ послѣдствій. Я подумалъ: что еслибъ Лукреціи пришло въ голову дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ это охладило бъ его предпріимчивость и онъ со стыдомъ принужденъ

былъ отступить? Лукреція бъ не зарѣзалась, Публикола не взбѣсился бы, Брутъ не изгналъ Царей (зачеркн. Цари подъ покровомъ) и міръ и исторія міра были бы не тѣ. Итакъ, Республикою, Консулами, Диктаторами, Катонами, Цесаремъ мы обязаны соблазнительному происшествію, подобному тому, которое случилось недавно въ моемъ сосѣдствѣ, въ Новоржевскомъ уѣздѣ.—Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась, я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повѣсть. Я имѣю привычку на моихъ бумагахъ выставлять годъ и число. Гр. Нулинъ писанъ 13 и 14 дек. Бываютъ странныя сближенія—"...

На этомъ словѣ запись обрывается.

Надо прибавить, что сообразно съ этимъ замысломъ Пушкинъ первоначально думалъ озаглавить свою поэму—„Новый Тарквиній"; это заглавіе написано карандашомъ въ черновой. Тамъ-же имѣется и собственноручная дата—Михайловское, 13 декабря 1825. Въ самой поэмѣ ея происхожденіе не обнаружено ничѣмъ, если не считать упоминанія именъ Лукреціи и Тарквинія:

Въ надеждѣ сладостныхъ наградъ,
Къ Лукреціи Тарквиній новый
Отправился на все готовый...

и вторично:

Она Тарквинію съ размаха
Даетъ пощечину...

Что же говоритъ намъ приведенная сейчасъ запись? Ея смыслъ ясенъ: задумывая свою поэму, Пушкинъ отнюдь не ставилъ себѣ цѣлью—ни на-

писать веселую шутку въ стихахъ, ни нарисовать жанровую картину изъ русскаго помѣщичьяго быта. „Графъ Нулинъ“ сталъ тѣмъ и другимъ по формѣ, и въ этомъ Бѣлинскій и его послѣдователи совершенно правы; Пушкинъ одѣлъ свою мысль въ жанровую и шутливую одежду, мастерски сшитую, но вѣдь одежда есть только одежда, прикрытіе, и ничего больше. Лермонтовъ былъ великій поэтъ, и вмѣстѣ офицеръ: что мы сказали бы о его военномъ начальствѣ, которое оцѣнивало его вѣроятно только по его офицерскимъ качествамъ? Не такъ ли, по внѣшности, судитъ и наша критика о „Графѣ Нулинѣ“?

Мысль Пушкина ясна изъ его записи. Вотъ происшествіе: насиліе Тарквинія надъ Лукреціей; это происшествіе явилось причиною громадныхъ историческихъ событій; что-же: должны ли мы думать, что въ самой сущности его были заложены и неизбѣжность, и самый характеръ этихъ всемірныхъ послѣдствій, какъ въ маломъ зернѣ—весь будущій колосъ? Но вѣдь точно такія же зерна, какъ это попадаются намъ всюду; стоитъ только нагнуться, чтобы подобрать такое зерно. Нѣтъ ничего легче, какъ взять одно изъ нихъ и изслѣдовать его, такъ сказать, химически; тогда будетъ ясно, присуща ли ему въ самомъ дѣлѣ творческая сила этого опредѣленнаго порядка. Зерно-событіе—попытка посторонняго мужчины овладѣть замужней женщиной: Пушкинъ беретъ такое зерно и на глазахъ читателя разлагаетъ его на составныя части. Весь анализъ онъ производитъ сравнительно: вотъ историческое

зерно—Тарквиній-Лукреція, и вотъ экспериментальное зерно—графъ Нулинъ-Наталья Павловна. До половины анализъ обоихъ совпадаетъ вполнѣ: тамъ и здѣсь—отлучка мужа, пріѣздъ сластолюбца, его бесѣда съ женою, ея рукопожатіе, его ночное возбужденіе, наконецъ его преступная попытка. Но тутъ, въ кульминаціонномъ пунктѣ, тожество вдругъ прерывается: Лукреція поддалась насилію, Наталья Павловна отражаетъ насиліе. Вслѣдствіе этого крошечнаго отклоненія дальнѣйшій ходъ происшествія даетъ въ обоихъ случаяхъ двѣ далеко расходящіяся линіи—тамъ трагедію, сперва только личную, а въ послѣдствіяхъ своихъ—и міровую, здѣсь—анекдотъ, разрѣшающійся смѣхомъ. Итакъ, не самое происшествіе по существу, а только одна микроскопическая часть его послужила причиною историческихъ событій; и эта частность въ немъ - вовсе не органическая: она случайна; она была, но могла и не быть; вѣдь чистая случайность, что Лукреціи „не пришло въ голову" то, что „пришло въ голову" пустенькой Натальѣ Павловнѣ,—дать пощечину насильнику. Изъ этой-то микроскопической случайности развился колоссальный рядъ потрясеній—изгнаніе царей изъ Рима, установленіе республики, и т. д.; она, такая ничтожная, своими послѣдствіями перевернула міръ, можно сказать даже—поколебала самое небо: именно это, повидимому, хотѣлъ сказать Пушкинъ въ зачеркнутыхъ словахъ: „Цари подъ покровомъ"—боговъ.

Итакъ, Пушкинъ экспериментальнымъ путемъ выдѣлилъ подлинное творческое ядро событія—и оно оказалось еле-замѣтной пылинкой, какими

полна человѣческая жизнь. Обыкновенная, ничтожная пылинка, оказалась заряженной динамитомъ; попавъ въ ту среду: Римъ, цари, Брутъ,—въ среду, очевидно благопріятную для взрыва, она вызвала мѣстный и потомъ всеобщій взрывъ. Не таковъ ли всеобщій законъ человѣческой жизни, личной и исторической? Вся она состоитъ изъ пылинокъ,— изъ происшествій, индивидуальныхъ поступковъ и случайностей, и каждая пылинка по составу своему— динамитъ: все дѣло въ томъ, попадетъ ли она въ горючій матеріалъ, или не попадетъ. Вотъ эта **колоссальная взрывчатая сущность каждаго матеріальнаго атома** и поразила Пушкина въ драмѣ Лукреціи; отсюда замыселъ его поэмы,—и мысль свою онъ облекъ въ форму комическаго „фламандскаго" жанра, которую одну и видѣла критика. „Графъ Нулинъ"—вовсе не шалость пера; недаромъ Пушкинъ нѣсколько лѣтъ спустя, защищая эту свою поэму противъ упрековъ въ скабрезности, свидѣтельствовалъ, что она писана, „будь сказано мимоходомъ, самымъ трезвымъ и благопристойнымъ образомъ".

Теперь уже положительно извѣстно, что приведенная выше запись Пушкина писана не ранѣе 1829 года: онъ упоминаетъ въ ней о сходномъ происшествіи, случившемся **недавно** въ его сосѣдствѣ въ Новоржевскомъ уѣздѣ; въ дневникѣ А. Н. Вульфа, изданномъ въ 1916 г., разсказано это происшествіе, на которое намекаетъ Пушкинъ: оно случилось въ февралѣ 1829 г. съ самимъ Вульфомъ, на глазахъ Пушкина (неудачное ночное путешествіе Вульфа

въ комнату молоденькой поповны). А запись Пушкина состоитъ, какъ сразу видно, изъ двухъ частей: вся она занята изложеніемъ мыслей, предшествовавшихъ въ немъ созданію поэмы; но послѣдній абзацъ, о днѣ ея написанія, долженъ былъ содержать размышленіе Пушкина, возникшее уже въ позднѣйшее время. „Графъ Нулинъ" былъ написанъ 13 и 14 декабря 1825 года. Въ этотъ послѣдній день, какъ извѣстно, произошелъ въ Петербургѣ бунтъ декабристовъ. Извѣстно, какъ думалъ Пушкинъ о своей судьбѣ въ связи съ казнью, постигшей декабристовъ; не разъ воспроизводилась та страница его рукописи, гдѣ нарисована висѣлица съ пятью повѣшенными и вплотную надъ нею начата фраза: „И я бы могъ какъ шутъ на"... и пониже на страницѣ опять: „И я бы могъ", и внизу страницы снова та же висѣлица. И вотъ, съ этой мыслью о гибели, возможной для него и случайно избѣгнутой, Пушкинъ однажды замѣтилъ, что въ тотъ самый день, когда гибель могла его постигнуть, онъ писалъ „Нулина"—разсказъ о пылинкахъ, рѣшающихъ участь людей и царствъ; и, быть можетъ, онъ вспомнилъ о такой же пылинкѣ, счастливо рѣшившей его участь на этотъ разъ,—о какомъ-нибудь мелкомъ происшествіи, помѣшавшемъ ему стать участникомъ декабрьскаго мятежа или даже только быть въ тотъ день въ Петербургѣ,—и его поразила мысль, что именно въ тотъ роковой для него день онъ писалъ о роковой силѣ пылинокъ: вотъ на что намекаетъ начатая имъ фраза: „Бываютъ странныя сближенія"... Онъ, можетъ быть, думалъ: „Точно тайное пре-

чувствіе „грозы незримой“, витавшей надо мной въ тотъ день, водило моимъ перомъ, когда я писалъ „Нулина“. Извѣстно, что о томъ же своемъ спасеніи отъ декабрьской грозы онъ разсказалъ въ стихотвореніи „Аріонъ“ именно какъ о чудѣ;

Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою...

словно сама стихія оберегла его, свое дитя. Не оберегла ли она его, какъ-разъ пославъ ему въ должный часъ ту пылинку, то происшествіе,—можетъ быть зайца, перебѣжавшаго дорогу,—которое и спасло его отъ декабрьскаго разгрома?

Всѣ эти мысли свои, внушившія ему планъ и вдохновеніе поэмы, Пушкинъ утаилъ отъ читателей. Такъ онъ поступалъ всегда, и совершенно сознательно. Замыселъ долженъ быть скрытъ; онъ долженъ быть лишь, какъ вѣтеръ для судна, дающій направленіе судну и стремительностью своей напрягающій паруса. Этотъ постоянный пріемъ являлся у Пушкина, прежде всего, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его теоріи искусства, а затѣмъ—и умышленнымъ изъявленіемъ его презрѣнія къ публикѣ. Какъ онъ самъ однажды сказалъ:

Страннымъ сномъ
Бываетъ сердце полно...
Тогда блаженъ, кто крѣпко словомъ правитъ
И держитъ мысль на привязи свою.

Онъ не только утаивалъ свой замыселъ,—онъ еще издѣвался надъ читателемъ, который вѣдь будетъ искать „мораль“ и непремѣнно найдетъ ее, носящую его собственный образъ и подобіе; и любилъ самъ

заранѣе подавать ее читателю именно такою. Такъ онъ закончилъ и „Нулина“:

Теперь мы можемъ справедливо
Сказать, что въ наши времена
Супругу вѣрная жена,
Друзья мои, совсѣмъ не диво.

Какъ весело онъ вѣроятно хохоталъ, прочитавъ въ 1828 году, по выходѣ „Графа Нулина“, отзывъ Погодина о своей поэмѣ! Погодинъ защищалъ ее отъ хулителей и поучалъ: „Строгіе аристархи спрашиваютъ о нравственной цѣли въ этой піесѣ. Вотъ она, если имъ того хочется (дальше курсивъ самого Погодина): **нескромныя желанія людей худо награждаются**“. Спустя пять лѣтъ послѣ „Нулина“ Пушкинъ снабдилъ свой „Домикъ въ Коломнѣ“ еще болѣе саркастическимъ заключеніемъ—моралью о томъ, что кухарку даромъ нанимать опасно и что мужчинѣ рисковано рядиться въ женское платье, такъ какъ борода или ея бритье когда-нибудь неминуемо выдадутъ его. „Вотъ вамъ философія, какая вамъ доступна и нужна;

Больше ничего
Не выжмешь изъ разсказа моего“.

„Графъ Нулинъ“ былъ написанъ въ с. Михайловскомъ, по свидѣтельству самого Пушкина—„въ два утра“, 13-го и 14-го декабря 1825 г. Сохранились двѣ собственноручныя рукописи поэмы, одна—въ архивѣ А. Ѳ. Онѣгина, другая—у гр. Шереметева, обѣ бѣловыя, но съ многочисленными карандашными поправками; Онѣгинская содержитъ очень большое количество разночтеній сравнительно съ печатнымъ текстомъ, несомнѣнно предшествующихъ послѣднему; напротивъ, варіанты Шереметевской немногочисленны и незначительны. Онѣгинская рукопись представляетъ тетрадку въ 14 листковъ бумаги въ осьмушку; на первой страницѣ карандашомъ написано заглавіе: Новый Тарквиній; тутъ-же дата: 1825. Михайловское, и рисунокъ карандашомъ: скачущій всадникъ—очевидно, мужъ Натальи Павловны—съ собакой впереди; въ концѣ рукописи помѣта: 1825—дек. 13. Полный текстъ Онѣгинской рукописи и разночтенія Шереметевской напечатаны П. О. Морозовымъ въ IV-мъ томѣ большого Академическаго изданія сочиненій Пушкина. Первоначально Пушкинъ отдалъ въ печать только первые 30 стиховъ „Нулина“, кончая стихомъ: „Опустошительной набѣгъ“; они появились, подъ заглавіемъ: „Отрывокъ изъ повѣсти Графъ Нулинъ“, въ четвертой книжкѣ „Московскаго Вѣстника“ за 1827 годъ, вышедшей въ свѣтъ въ срединѣ февраля. 20 іюля 1827 г. Пушкинъ представилъ „Нулина“ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими своими произведеніями, на разсмотрѣніе А. Х. Бенкендорфа; 22 августа Бенкендорфъ извѣстилъ его о разрѣшеніи его пьесъ для печати при чемъ о „Нулинѣ“ писалъ „Графа Нулина Государь Императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣтить своеручно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измѣненными, а именно слѣдующіе два стиха:

Порою съ бариномъ шалитъ

и

Коснуться хочетъ одѣяла.

Впрочемъ прелестная піеса сія позволяется напечатать“. 27-го августа было выдано офиціальное удостовѣреніе, что можно печатать съ помѣтою: „съ дозволенія Правительства“. На основаніи этого разрѣшенія „Графъ Нулинъ“ былъ пол-

ностью напечатанъ въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" на 1828-й г
(альманахъ, издававшійся Дельвигомъ) съ замѣною тѣхъ дву
запрещенныхъ стиховъ другими:

> Порою барина смѣшитъ

и

> Уже руки ея коснулся,

причемъ эта послѣдняя замѣна потребовала передѣлки цѣлыхъ четырехъ стиховъ; у Пушкина было написано:

> Уже коснулся одѣяла—
> Но что же дѣлаетъ она?
> Смятенья, ужаса полна,
>
> и т. д.

онъ измѣнилъ эти стихи такъ:

> Уже руки ея коснулся,
> Но тутъ опомнилась она,
> Гнѣвъ благородный въ ней проснулся,
> И честной гордости полна,
>
> и пр.

Изъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ" былъ сдѣланъ и отдѣльный оттискъ „Нулина" (можетъ быть, только въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ—для автора), на выпускъ котораго 15-го ноября 1827 года было получено разрѣшеніе III-го Отдѣленія. Затѣмъ въ концѣ 1828 года, къ Рождеству, вышла въ Петербургѣ книжка, озаглавленная: „Двѣ повѣсти въ стихахъ"; она содержала—на первомъ мѣстѣ поэму Баратынскаго „Балъ", на второмъ—„Графа Нулина"; наконецъ изъ этого изданія были пущены въ продажу по 2 р. 50 к. отдѣльные оттиски.

М. ГЕРШЕНЗОНЪ.

TAYLOR INSTITUTION
DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

А. С. ПУШКИНЪ

ГРАФЪ НУЛИНЪ

Снимокъ съ изданія 1827 г.
редактированнаго самимъ
А. С. ПУШКИНЫМЪ

Съ приложеніемъ статьи
М. О. Гершензона

МОСКВА.
Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ
1918

Печатается въ томъ же изданіи

Н. И. НОВИКОВЪ

Сатирическіе журналы

ЖИВОПИСЕЦЪ. ТРУТЕНЬ. КОШЕЛЕКЪ.

Печатается съ разрѣшенія Лит. Изд. Отд. Нар. Ком. Просв. въ количествѣ 5000 экземпляр. Никѣмъ изъ книготорговцевъ указанная на книгѣ цѣна (4 руб.) не можетъ быть повышена подъ страхомъ отвѣтственности передъ закономъ страны. Прав. Ком. Лит. Изд. Отд. „П. И. Лебедевъ-Полянскій".

Складъ у издателей М. и С. Сабашниковыхъ,
Москва, Никитскій бульваръ 8.

